

18+

Андрей Владимирович
Лукашин

ФАЛЬКРУМ

В королевстве слепых
одноглазый — король

Андрей Лукашин

**Фалькрум. В королевстве
слепых одноглазый — король**

«Издательские решения»

Лукашин А. В.

Фалькрум. В королевстве слепых одноглазый — король /
А. В. Лукашин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-623477-2

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. История затрагивает молодого дворянина Генри,
который по воле глупости оказался на краю бездны. Однако, спасённый
от убийц колдуном, ему предстоит отплатить за оказанную помощь,
поддержав кудесника в борьбе против древних и коварных врагов. Лишь бы
цена была ему по силам.

ISBN 978-5-00-623477-2

© Лукашин А. В.
© Издательские решения

Содержание

Лукашин Андрей Владимирович	6
ФАЛЬКРУМ	7
Действующие лица	8
АКТ 1	10
Сцена 1	10
Генри	11
Отшельник	14
Генри	17
Паук Люций	18
Кот Ашог	19
Отшельник	20
Кот Ашог	21
Паук Люций	22
Генри	23
Отшельник	24
Генри	25
Отшельник	26
Отшельник	28
Генри	29
Отшельник	30
Генри	31
Отшельник	32
Генри	33
Отшельник	34
Генри	35
Отшельник	36
Отшельник	37
Генри	38
Люциус	39
Отшельник	40
Генри	41
Отшельник	42
Генри	44
Отшельник	45
Генри	46
Отшельник	47
Генри	48
Отшельник	49
Повар	51
Отшельник	52
Сатан Ди Вол	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Фалькрум В королевстве слепых одноглазый — король

Андрей Владимирович Лукашин

© Андрей Владимирович Лукашин, 2026

ISBN 978-5-0062-3477-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лукашин Андрей Владимирович

Лукашин Андрей Владимирович

ФАЛЬКРУМ

МОСКВА 2024

Fulcrum (лат.) — точка опоры.

*Посвящаю Александру Сергеевичу Пушкину,
Михаилу Юрьевичу Горшеневу,
Хантеру С. Томпсону,
Клайву Баркеру
Дайте мне точку опоры...*

Действующие лица

Генри, обедневший дворянин, правнук великого Иоганна. Несмотря на бедность, сохранил в себе черты аристократа, в глубине души приверженец законов чести и этикета (ведь бедный же), единственное богатство — красота.

Отшельник, он же старик, странник, хозяин леса, имеющий множество имен. Циничный философ, питающий страсть к наставлениям и светским беседам. Живет с верной свитой — гигантским пауком и огромным котом в волшебной пещере в глубине леса.

Реми, дядя Генри, славится пьянством, и беспринципностью, свойственной лишь лиховедам. Завистливый и подлый человек, весьма туп.

Иоганн-воитель, прадед Генри, великий воин и полководец, чьи заслуги и трофеи подняли весь род во время войны.

Ашог, волшебный гигантский кот из свиты отшельника. Способен говорить, любит шутки, страшный лстец и подлиза. Несмотря на это, жесток к чужакам, порой съедает их.

Люций, волшебный гигантский паук из свиты отшельника. Способен говорить. Ненавидит шум и резкие фразы. Пытает пленных, добывая информацию, в перерывах шьет из паутины ковры и одежду для отшельника. Любит черный юмор.

Наемники, пара прекрасных следопытов, несмотря на то, что любят выпить. Посланы за Генри с целью убийства.

Слуги Эрнеста, прислуга в замке.

Эрнест, друг отца Генри, славный свои мерзким нравом, возраст лишь усугубил его нрав. Вдовец, импотент, несмотря на это, женившийся на молодой деве.

Сеймуг-убийца, жестокий король и опытный воин, против кого объединились союзники соседних королевств, не желавших больше платить дань.

Астролог, придворный Сеймуга, звездочет и пророк.

Болль, отец Эрнеста, великий воин с мерзким нравом. Помешанный на доблести и чести семьи. Ненавидит слабых и убогих.

Сатан ди Вол, демон из армии Себеса, после поражения которого перестал служить, став самостоятельным. Романтичен и жесток.

Себес, демон-предводитель, склонившей Агду к сотрудничеству.

Микаэль, глава ордена света и порядка. Верховный серафим, склонил к сотрудничеству Ам.

Агда, богиня, темное начало планеты. Мать Гаррены.

Ам, богиня, светлое начало планеты.

Рафаэль, ангел, предатель ордена. Отец Гаррены.

Повар, виртуоз искусства кулинарии, альтруист и оптимист.

Гаррена, дочь Агды и Рафаэля, погибшая не родившись, дух зла и равнодушия, заточенный в темнице Хаоса.

Агат, деревенский юноша, охотник-недотепа, решивший ловить зверей на молодого Ашога, когда тот был обычным деревенским котом.

Хозяин таверны, хозяин постоянного двора далеко от цивилизации. Веселый и хитрый старик.

Хозяйка таверны, жена хозяина таверны. Женщина с жестким нравом и требовательная. Ненавидит драки.

Иоганн-рыбак, нищий старик, добрый в душе, но сквернослов и буян. Винит всех в своих бедах.

Король, властелин королевства. Молод, весьма алчный, властолюбив. Хороший воин и стратег. Слушает советника.

Советник Фред, советник короля, служил советником еще отцу короля. Покорный, расторопный и услужливый как пес. Властолюбив, мечтает о молодости. Не очень доволен своим положением.

Сфинкс, охранник подземелья отшельника, обожает тайны и загадки. Из даров за проход предпочитает ароматы редких цветов.

Глашатай короля, обычный парень при дворе.

Антикварщик Фил Логос, однорукий антикварщик, безупречный оценщик, тонкий юморист, прохвост. Король воров.

Сомнение Генри, внутренний голос Генри.

АКТ 1

Сцена 1

Таверна. За столом сидят три рыцаря, играет лютня, хозяйка таверны разносит эль гостям. За другими столами играют в кости, громко общаются. Иной раз пьяный хохот поглощает весь шум. Рыцарь Генри, облаченный в черные доспехи прадеда, встает за столом, держа кубок эля.

Генри

Вдохновение — продукт лишений и надежд.
Лишившись всех амбиций,
Взлетать нам легче, чем синице,
Порхая на ветру в свободном плаванье мышленья.
Так порою отчужденье дороже золота в сто крат,
Алмазов в тысячу карат.
Лишь одиночество истину укажет
И откроет путь влеченью,
К тем, кто думает о НАС!
Довольно прелюдий и прикрас!
Пора поведать вам рассказ,
Со слов отшельника лесной глуши.
Туда не ходят малыши, девы не собирают ягод,
Охотники не бьют зверей,
И света луч сквозь кроны не пробьётся.
Путь найдет лишь тот, ходящий в никуда,
Кто с тропы собьётся...
Авантюристу-смельчаку,
С целью лишь удовлетворить любопытство,
И тщеславие свое потешить, ноги не на ту тропу сойдут.
И скелетом риск остаться в чаще темной будет...
Череп — гадюке дом, ребра — кустарникам опора,
И после смерти талантам применение найдет природа!
Увидеть старика сможет только тот, кто хочет жить...
Меня свела с ума судьба-злодейка,
Спасаясь от меча,
Попал туда, где встретился с отшельником.
Угодил в капкан, сломавший голень,
Когда в лесу померк весь свет,
И гробовая тишина выдавала преследователей гласа.
Не помню, сколько полз, помню, сердце колотилось,
Предошущал я лишь одно —
Как вонзится меж лопаток мне копьё.

И вот померк в глазах мой свет...
Я мертв? Наверно, нет...
Открыл глаза в поту холодном, в пещере дивной...
Заставлена она мебелью дубовой,
Ковры нежнее шелка устлали пол,
Отливали нежным серебром.
На столе — сплошные черепа,
Выполнены как чаши для вина,
У камина в роскошном кресле сидел ОН.
По праву руку от него
Кот, лапы грея у огня, лежал размеров небывалых,
По леву сторону в углу паук размером с дога
Шил из паутины красивейший наряд.
Хозяин, который в сказках Стариком зовется,
На старика мало походил:
Худой, с бледной кожей, на лице не было морщин,
И не было седины.
Барабанивший длинными пальцами по креслу,

Лицом не старше двадцати пяти...
Только взгляд страшной, древней глубины,
Как будто бамбуковые иглы вонзил палач под ноготь,
Издать охота дикий визг.
От взгляда будто человека, не спавшего сто лет.
В черных очах зеркально отражалось камина пламя.

Сцена 2

Пещера отшельника из красного мрамора, исчерченного непонятными иероглифами. Дубовая мебель с узорами в виде мифических существ, голых дев и сцен битв. Множество полок с литературой. Пол покрыт серебряным ковром, на дубовом столе чаши в форме черепов (или из них?). Огромный камин, освещающий всю пещеру. У камина спит кот Ашог, в самом темном углу притаился паук Люций, мастерящий новое сукно. Рядом с пауком висит мешок из паутины.

Отшельник

(не отрывая глаз от пламени)
Ты всего лишь ранен, а не мертв.
Спасаясь от беды своей,
Угроздило ж попасть в ловушку,
Орудие трусов, что ставят на опушках,
Те, кто думает, мол, хитрей зверей...
(Кивает в сторону стола с черепами.)
Однако стоит уточнить:
Фортуна благоволит тебе, упрямец.
От страха ты решил ползти, пока рассудок не померк,
Как солнце в день затмения.
И парочка наемников и пьяниц, считавших долгом
За монету убивать, гордясь предубеждением своим
(Следопыты, попрошу заметить, хоть куда!)
Невзирая на похмелье,
Искать тебя им не мешала темнота.
Тебя, беднягу, сторож-кот с себе подобным спутал,
Перебив свой аппетит,
Пужинав одним из этих друзей...
Второй теперь в сетях висит.
(Кивает в сторону паука и мешка из паутины.)
Парализован, кончит в муках, только
Люциус впрыснет пищеварительный фермент,
Превратив его в сосуд с едою... Тебя же, Генри,
Мои друзья за компанию принесли с собою.
Не бойся, еще наступит час твой,
Но мы не будем тому виною,
Поскольку следуем закону этих мест
И принципов столь древних,
Не искаженных алчностью и глупым блеском,
Сверкающим искрой, не дающей свет.
(Вздыхает устало.)
Ну, твою историю я знаю, Генри, нахальный человек,
Обедневший дворянин!
Красота лица — единственное богатство,
Которым неправильно ты распорядился:
Такой актив, довольно ценный
Для богатых вдов и некрасивых дочерей.
Увязнув в романтике и жажде острых ощущений,
Решил соблазнить ты жен не тех людей...
От яблони плоду недалеко катиться...
И то, что по праву прадед Иоганн в латах черных,
В крови по локоть, копил в сундуках подземелья замка.
На войне отчаянной, на войне духа,
Тащил трофеи он тюки.
Однако вымрет вся порода —

Только в семье послушают уroda,
Начнется пьянство, блуд,
И чем гордились раньше дети,
Сдувая с прадеда доспехов пыль,
Продало третье поколение, в полях давно растет ковыль
Вместо культур хлебных.
И гордость нынче там одна:
В грудь бить, кричать — гордятся прадедом потомки,
Свиньей валяться под столом,
Или же в конюшне трахать крестьянских дочерей,
Насилюя, за волосы держа, ломая руки...
Чем не брезгует дядя твой Реми,
А кто из так называемой «черни»
Вздумает препятствия чинить, не силой, словом:
«Добрый господин, довольно, отпусти дочурку!»,
Беднягу заступника ждет клинок — на месте гибель,
Когда выпустит ему Реми кишки...
Сколько веревочке не виться,
Всегда на том конце развязка ждет...
Кончилось богатство,
Семейство ваше будто крысы в клетке,
В беде винит один другого, и теперь уж не крестьян,
Друг друга резать стали...
Избегая ссоры за наследство,
Пошел служить соседу ты Эрнесту,
Соратнику твоего покойного отца и старому вдовцу.
Подавшись страсти, в чем ищешь оправданье,
Залез под юбку ты новой супруге старика,
Целуя аленький цветочек!
Назвав все это одолженьем, поскольку рыцарь стар,
Либи́до ноль, а значит,
Для женщины прекрасной дома счастья нету!
Возможно, конечно, ты и прав...
Есть вещи мерзостью славнее.
(Сжимает подлокотник кресла так, что костяшки белеют.)
И было бы смешно, коль не было так грустно.
Смотри, куда старанье занесло:
Шея женушки неверной
На яблочном суку сломалась с хрустом...
Ох уж эти злые старики...
(Улыбается.)
Ходить ты сможешь через тринадцать дней.
А пока составишь мне компанию.
Порой одиноко здесь, в лесу,
Поскольку коту и пауку молчание приятней разговоров.
Да, ценней всего, когда не есть с кем поговорить,
А когда есть с кем молчать.
Но в правилах должны быть исключения,
Верно, Ашог?

Кот мурлычет.
Итак, что же скажешь, Генри,
Иль будешь строить молчуна?

Генри

(приподнимается в кровати на локтях)

Ты все подметил верно, незнакомец.

Осведомленностью твоей я поражен,

Как от вида твоих друзей.

Не знаю, кто тебе все рассказал, тот упырь

(кивает в сторону мешка из паутины)

Иль каждый дуралей, кто в чашу заходил.

(Кивает в сторону стола.)

Найдя здесь гибель,

По монете добавляя в твою копилку знаний,

Род мой бедный ныне стал, мое ты имя знаешь, называл,

Однако! Не знаю древних принципов и правил,

Меня учили: начиная разговор, представиться сначала,

Но хоть сказал, что я живой...

Беглец я глупости своей — прекрасно это знаю,

Так как могу к тебе я обратиться?

Паук Люций

Даааа, вессссьмммаа дерррррзоккккхх...

Кот Ашог

Муррррр... И в то же время ллакониченн.

Отшельник

Слышишь, что говорят мои друзья?
Как чаши у весов, один склоняет так, другой сюда,
И каждый слышит, что услышал...
Я же слышал твой вопрос.
Что имена? Тебя родители Генрих нарекли,
Но суть, задумайся, какая?
Имя — слово как название предмета
Дается, дабы себя ты мог на свете отличать,
Гордиться им, прославлять,
С ним вставать и засыпать...
Однако название предмета, слово — это
Как стол бы звали Генри, а Генри звался стол...

Кот Ашог

Уж скорее табуретка со сломанной ножжкой.

Паук Люций

Сссскореееее полочкааа беззз книг...

Отшельник
(смеется)

А кто-то говорит, мол, в зверях нет души,
Скажи, коль нет души,
Какие с уст тогда слетают шутки?
Коль чувство юмора имеется,
Должны быть другие чувства, свойственные душе?
Имен у меня больше чем волос на голове.
Видя шок, застывший на твоём лице,
От голосов моих друзей,
Прощу твою я дерзость...
Ты про вежливость мне намекал и этикет,
Сдуру позабыв, кто тебя целёхонького сюда приволок,
И даже не сказал: благодарю!
И коль тебя я спас, зови меня Спаситель!
И впредь обращай лишь на «вы»,
Ведь не бездушный я и друзья мои!
Иначе кончишь плохо!
Пламя в камине разгорелось, глаза почернели сильнее, череп будто обтянула кожа.
Усек, Генри?

Генри

(про себя)

Во попал! Наверно, это снится!

(Кивает, вслух.)

Благодарю от всей души!

Отшельник

(повернулся лицом к Генри, улыбаясь)

Прекрасно, теперь спи, продолжим завтра,

Утро вечера мудрей...

Взмах руки отшельника, Генри погружается в сон.

Сцена 3

Пещера Отшельника. Генри просыпается резко, в холодном поту. Оглядывается: видит костыль, приставленный к кровати. В камине дотлевают угли. Аккуратно встает, опираясь на костыль, подходит к креслу. Резкий порыв ветра обдувает героя, в голове слышит голос: «Сюдаааа, ссссюююююдааааа!».

Идет в сторону угла, где сидел паук; мешка на месте нет. «Сюдааа, ссуссюдаааа!». При-сматриваясь, герой замечает штору из паутины, маскирующую проход на винтовую лестницу. Спускается по лестнице, освещенной факелами, аккуратно, вниз на три пролета и оказывается в зале, напоминающем кухню. В центре большой квадратный дубовый стол, два дубовых стула напротив. Паук в поварском колпаке мешает три кастрюли одновременно. В первой в пузырящейся воде болтается голова человека, во второй какая-то дичь (птица), в третьей непонятное вязкое содержимое. В воздухе зависла скрипка, играющая унылейшую тихую мелодию. В конце зала в магическом кругу стоит Отшельник в черной рясе, стоя читает книгу, глаза светятся сапфиром.

Генри

(про себя)
Не сон уж точно!

(Вслух.)

Кхе, кхе, доброго утра! Или дня?
То есть всего наидобрейшего Вам!
(Косится на голову в бурлящей кастрюле.)

Паук Люциус
(полушепотом)

Зачем шшшшшмишь, кккозья ногаааа?
Не видишь, Мастер занят!
Ссссейчассс ему ты до фонаряяяя,
Проклятый ты мерзавец,
Тебя бы в сеть, и черт с тобою!
Возняаяяя! Как с маленьким дитя...
Приссядь за стол, хозяин дома тебя к обеду пригласил!
Ззззавтрак, соня, ты просспал,
Морфффея царстввво изучаяяя!
Снадобья, что нам велели тебе дать,
Помогут боль в ноге унять!

Генри садится за стол, через минуту над столом висит Люций, раскладывает посуду и столовые приборы. Сияние в глазах отшельника погасло, он выходит из круга и садится напротив Генри. Паук разливает суп из второй кастрюли, забирает кастрюлю с черепом и удаляется. Некоторое время они молча обедают.

Отшельник

Не удивляйся, Генрих, голова —
Лишь то, что остается
От туши негодая, когда Ашог выходит на охоту.
Надеюсь, ее вид
Не испортит нам погоду и тем более аппетит.
Генри кивает.
Все живые существа, по сути, рабы своих привычек.
Господа, решившие гордо об обратном заявить, —
Рабы привычки спорить, увлечены собою,
Стремятся в правоте своей всех вокруг уверить.
Кончают иль безумием, или же на виселице...
Хम्म, как один астролог
Заявил Сеймугу, гордому правителю,
С чьим войском прадед бился твой,
Задал астрологу вопрос такой, пред битвою финальной:
На битву, пророк, дай мне прогноз.
Не правда ли, вопрос банальный?
Ответ последовал таков:
По всем приметам звездным, государь,
Не ждать в бою виктории крылатой.
Сеймуг задумался и вновь спросил:
Какой же твой удел, сказатель, звездочет, пророк?
Ответ последовал:
По всем приметам звезд и планет рядов,
Проживу я долго, государь...
Сеймуг смеяться начал:
Негодяй и лжец! Сбросить астролога в ров с кольями
С самой высокой башни!
Слепец — и смерть свою ты не узрел, коли так,
В поле наше войско биться станет, поднимайте стяг,
Трубите в горн, бейте в барабаны!
Что было дальше, знаешь сам...

Генри
(кивает)

Конечно, знаю! Храбро бились, словно звери,
Будто демоны из тьмы, херувимы Сеймуга-убийцы,
Вновь и вновь без усталости сходились
Ряды кровопролитцев! Стояла вонь распоротых кишок,
Тех, кто падал, насмерть затоптали,
Хруст ломаных копей, металла звон,
Свист стрел и крики, ругань.
Не передать словами! И дротики летели!
Согласно описанию летописцев,
Катапульти слали огненный заряд,

Сжигая прямо в латах тело до обугленных костей.
Повсюду отрубленные конечности валялись...
Повсюду трупы людей и лошадей!
Волшебники творили чары беспрерывно,
Так, что из носа их лилась кровь...
Бились целый день, и в полнолунье,
Когда пыл союзников остыл,
Иоганн, мой прадед,
Подрядил остаток всадников на рейд.
Туда, где Сеймуг, топором бешено махая,
Делал безголовыми людей!
Победу видя, предвкушая,
Забыл об осторожности Сеймуг,
В открытом поле стал добычей внезапного удара!
Мой прадед лично
Добивал убийцу, тварь и просто хама!
Бойцов врага потушен боя пыл,
Как ведро воды на дерущихся котов.
Отрубили голову вожаку их стаи и вонзили на копье.
Обратили в бегство свирепых херувимов...

Отшельник

И все же про привычки не закончил говорить.
Как не заметит лишь слепой,
Люций — мастер на все руки,
Питает слабость он к тому,
Чтобы не умереть от скуки.
Во всем он пользу ищет, как по следу рыщет волк.
Череп нужны, дабы создать чаши,
Сарказм здесь в том, что питается из тел жижей,
Со слов его, конечно, послаще, чем халва!
Хотя халву не ел он никогда...
Немного, да, он странный,
Однако в мастерстве ему нет равных.
Череп станет чашей для меня,
Дабы вкусы его почувствовать паучьи,
Попивая красное винцо.
(Ехидно улыбается.)

Генри

Понятно, очень педантичный человек.

Ой, точнее, Люциус-паук.

Много у Вас книг, Спаситель;

Должно быть, вы сведущий в различных областях наук?

Отшельник

Послушайте, как это мило —
Заводить разговор для разговора!
И без головы наемник тот мог понять:
Если много книг — значит, любят здесь читать!
Не только я, Ашог и Люциус —
Те еще проглоты в этом плане.
Без чтения от книги пользы нет,
Пылиться будет в сером хламе.
Впрочем, очень важно, дабы литература
Отражала истинность перечисленных в ней знаний,
Сколько лжецам и еретикам стараний нужно для того,
Что бы описать весь свой бред!
Вот тебе пример:
Никуда не денется изящество искусства,
Всегда сияет, как молния в грозу!
Как повар делает шедевр вкуса,
(кивает в сторону плиты и кастрюль)
Как плотник на шкафу узоры вырезал,
(кивает в сторону шкафа, где вырезаны сцены жертвоприношения девы морскому чудовищу)
В искусстве кроется истина: без тонкого начала
Ты будешь жирно мазать по стеклу
В попытке раскрасить свой уют.
Опыт, сподвигший красотой виденья поделиться,
Не грех и в книгу занести.
Не для славы пишутся стихи!
Что бы показать своим дитя.
Основа уважения отца!
Когда ты в жизни что-то сделал...
А кто стремится навязать свои решения,
Кому как править или кому кем быть.
В книгах видят только средство,
Как бы марионеток расплодить!
Книга — с автором беседа, хоть пройдет три тысячи лет.
Однако в выборе собеседников
Довольно осторожным нужно быть,
Один завидует, другой заложит,
Третий поможет полезным советом.
И, что бывает хуже, —
Содержанье худо, когда красивая обложечка снаружи?

Генри

Я с Вами не совсем согласен, мудрый человек.
Помимо глупых книг вещи существуют мрачнее:
Война, голод, мор, врагов месть...

Отшельник

Постой, тебя я перебую, мой собеседник.

Скажи, будь добр, свое мнение:

Какое изобретенье из придуманных когда-то человеком

Страшнее всех на свете?

Генри

(задумавшись на несколько секунд)

Наверно, гильотина или меч, оружие,
В общем, для пыток и кровопролитий.

Отшельник

Боишься то, что несет гибель,
Интересный аргумент.
Послушай мой ответ:
Страшнее колеса изобретенья нет,
Поскольку больше всех позволяет унести.
Природа хитро шутики шутит —
Уравновесила рациональность мысли.
В голове всему свете не уложиться нашей,
Нету в мозге колеса.
Страшнее воза, с лишком груженного поклажей,
Есть факт и в том истина еще одна:
Мы любим помнить много (зла),
Но забываем мы всегда (добро),
И в этом суть несчастий наших.
Как очевидец битвы забыл в летопись записать,
Как Иоганн был в битве сбит с коня, обезоружен,
В самом пекле Сеймуг пощадил его, поскольку
Кровью общего отца
Был с прадедом твоим он связан,
Сказав нахально:
На первый раз прощаю, уходи, дурак!
Великий Сеймуг, был рубака знатный,
Не такой жестокий, как все говорят.
Замешкавшись в секунду, пощаду впервые проявил,
Получил свою заслугу —
Стрелу, попавшую в кадык, вторую — в руку.
Отчаявшись, в провале рейда Иоганна,
Открыли союзники огонь по всем.
В одном ты прав был, говоря,
Что прадед твой добил Сеймуга.
Только тот не мог поднять меча!
Иоганн не растерялся, о кровных узах тоже знал.
От стрел укрылся щитом, поднялся и снес голову,
Прекратив ужасного вояки муки. Удивлен?
Победителей не судят, сам же говорил.
Была уже полночь,
В свете лунном, блеске факелов никто и не заметил,
Как все на самом деле было...

Генри

Не может быть!
(Встает из-за стола.)

Отшельник

Смотри!
(Взмах руки.)

Генриху видение: будто он знаменосец, стоит позади Сеймуга. Вожак, бородатый до пупа, весь в крови, голый по пояс, занес топор над сбитым всадником. Сеймуг что-то кричит Иоганну, но фразу обрывает стрела. Ужасный хрип, Сеймуг оглядывается в сторону знаменосца, позади него встает Иоганн, прикрываясь от стрел, отрубает ему голову. Повсюду в рядах: «Сеймуг мертв! Король погиб, братья! О боги, повержен наш герой! Печальное знамение, астролог прав!» Командиры пытаются уговорить панику, выстроить всех в боевой порядок. Войска не слушаются, начинается массовое бегство. Знаменосец подбирает голову Сеймуга, другие войны уносят тело. Затем ночь, лай собак, погоня. Не бросая знамени и головы, знаменосец бежит

по лесу, видит вдалеке пещеру, откуда светит пламя,
решает там укрыться... Виденье кончилось.

Отшельник

Один из черепов, на вид всех краше и богаче,
Сварил Люций из головы Сеймуга-убийцы.
Знаменосца у себя укрыл, подобно тебе,
А друзья расправились с убийцами.
Война не страшнее всего, Генри,
Война — отец всего,
Однако брат твой есть пример:
Безлик и пуст покуда на затеи,
Пока не встретишь ты идею.
Идея есть судьба твоя, ее дитя есть цель,
Которое со временем вырастет,
Однако, даже юная, издавна
Укажет ловко в знаках путь,
К себе тихонько направляет,
Даруя в оружие методы, средства
Достичь всего! Всего, чего желаешь!
(Вздыхает, скрипка перестала играть.)
Ступай наверх, Люций приготовил стол для чтенья,
С развлечениями у нас беда, конечно.
Почитай какую-нибудь книгу,
Что-что, а плохих собеседников у меня нет,
Или, хочешь, помоги Люцию?
(Ехидно улыбается.)

Генри

(стоя, опираясь на стол)

Довольно! Хватит! Прекрати!
Я видел фокусы, волшебник,
Тебе не сбить меня с пути!
Проклятый мерзкий демон!
Зачем меня ты спас? Ну, отвечай!
Наверно, про запас!
К вам редко кто заходит, говоришь?!
Неужели ценный я припас?
Подать к десерту хочешь, людоед?
Зачем с ума ты сводишь?
Врун, шарлатан, ублюдок!
Не позволю исказить о предках моих память!
Тебя я не боюсь, и этих тварей!

Генри показывает в сторону плиты Люциуса. Однако паук, разгневанный шумом, уже подкрался за спину Генри и висит на паутине, ожидая команды хозяина. Отшельник производит взмах рукой, и бокал с вином выливается в лицо Генри, другой взмах — и скрипка, покойно висевшая в воздухе, ударяет героя в больную ногу, со стоном он падает обратно на стул.

На плечи падает какая-то слизь, Генри поднимает голову и видит над собой огромного паука, пускающего слюни...

Люциус

Зззачем шшшшумишь?

Отшельник

Спасибо, Люциус, я разберусь. Наш гость погорячился.
Язык доводит до греха, даже не для того лица,
Кто злобу выливает!
А для стороны, что греха не побоится,
За слово, насмерть забивая, затем ярлык —
Безжалостный убийца!
Здесь, конечно не соглашусь.
Лично мне приятно видеть:
Пустеют ряды пустословных храбрецов,
В открытом рте своем — отраженье уважения отцов,
И видно воспитание.
Иначе без него (воспитания) вели стремительно вперед
Звериные начинания.
Однако даже когда приходит хищник,
Хищник просто так не бьет, если голодом не движим.
Как только слышатся в мире людей нужные слова,
Распознает себе добычу,
Восполнив голод свой сполна...
Ты здесь не пленник — на лечение, никто
Удерживать не будет силой,
С такой ногой ты не пройдешь —
Добычей волку станешь или вепрю.
Вдобавок извиниться я хочу
За резкость охлаждения пыла.
Генри трет больную ногу.
Вопросов, вижу, куча варятся в твоём котлу.
Хотел оставить на потом, теперь боюсь —
Вздернешься на люстре.
Пора пройтись, хромой,
А по пути расскажу интересную притчу...

Генри

(про себя)
Кто бы сомневался...

Отшельник встает, приглашает жестом.
Генри, опираясь на костыль, принимает приглашение.
Затем не торопясь они идут по темному коридору,
освещенному светлячками...

Акт 2

Сцена 4

Генри и Отшельник идут по коридору из гранитных блоков.
Ход освещают зеленые светлячки.

Отшельник

Дуракам везет! Каждый это знает,
Однако викторию обнимет тот игрок,
Кто для невезенья столько же, как и для везенья,
Времени оставит.
Конечно, дело больше в следующем:
Легкомысленный глупец
Порой к желанию в обитель входит,
Хвалу произнесет творцу за данный миг.
Другой воскликнет: Во! Удача! —
От счастья распушит павлиний хвост...
Третий же субъект, лимона будто проглотивший,
Скривит гримасу обезьяны, скиснет лицом —
Вечно недовольный результатом.
В четвертом же ряду и вовсе
Не будет пользы и не будет вреда.
Не понимают!
Будто бы к богатству наступил в кусок говна,
А оно и не воняет. Запомни, Генри!
Удача верит в чудеса,
По воле своей людей окрыляет,
От голоса ее поет душа;
Подхваченный восторгом ярким,
Разум о неудачах быстро забывает.
Счастливый идиот!
Принявший все, как должно быть,
Либо так считающий.
Особенным назвал себя.
И видит в случае помощь,
Помощь, столь заслуженную им!
Однако как только вновь беды напомним о себе,
Особенным быть уже не в радость,
В воздухе повис вопрос: «Ну почему я? Ну почему?»,
А вкус сладкий на губах остался.
Опьяняя, напомним он, что вчера
Блестела рыжем корона и венчала
Она чело слепого дурака.
И если бродяга выиграл раз в лотерею,
Это не значит, что победит он дважды...
Итак, от притчи я отвлекся...
Прощу прощения, заносит на повороте
Слов моих поток менторским слогом.
Привычка старая, как эти мраморные стены,
Что гномы с магами Агдама возвели...
История весьма проста.
Герой не мог похвастаться происхождением,
Лишь в грамоте весьма был искушен.

На замки не водил полки с тараном,
С поэтами в борделе не пил вина, муз за грудь не лапал,
Накутившись гашиша.
В дворцах не плел противнейших интриг,
Не дрался на арене за свободу,
С алхимиками ртутью не дышал
В поисках философских камней.
(Держит небольшую паузу.)

Эх, с рождения даются два подарка:
Первый — воздуха глоток,
Второй — талант врожденный, уникальный...
Талант нашего героя,
Чье имя в колоде времени утеряно,
Тасуясь из уст в уста.
Пусть так, суть останется всегда.

Генри

И с Ваших слов оно и неважно...

Отшельник

(остановился, смерил Генри взглядом)

А ты хороший слушатель. Помнишь слова мои...

Генри

Благодарю за комплимент.

Так дальше говорите.

Они вместе продолжают двигаться по тоннелю.

Отшельник

Безымянному герою достался дар такой: с рождения
Чувствовал насыщенные цвета и ярче вкусы.
Так не чувствует узник взаперти тоску,
На кирпиче царапав имя мамы,
Так не чувствует мать к малышам заботу,
Обняв крепко, с ними спит,
Так не чувствует юнец, впервые взаимно полюбив.
Хотя обоняние не было острым, как у гончего пса,
Тем не менее всегда легко
Отыскивал пряности, приправы,
Добавит в кашу то, что никто не добавлял,
Сготовит несъедобное и бьющий в голову
Коктейль безвредный сварит из отравы...

Генри

Прошу прощенья, Вас снова перебил.
Герой наш повар?

Отшельник

О, Генрих, нет...
Повар варит кашу поддатою солдатне,
Стряпню, закуску к пиву придорожного трактира.
Герой не просто повар — виртуоз, маэстро вкуса,
Дирижер гармонии цветов, лежащих на тарелке!
От аромата пищи,
Свойственного лишь божественному началу,
Забывалось, кто ты и как сюда дошел...
Желанье есть и борется со страхом в моменте этом,
Мол, навсегда покинет мир такая красота.
Так роза гибнет, прибитая копытом, —
Сочится сок на грязь,
Так старость ест красавицы лицо.
Коль время не поймешь — над ним не властен!
Так душу отдают легкомысленно,
За безделушки и коврижки...
Итак, давным-давно,
Спешил Повар на фестиваль кулинарного единства.
Спеша, он брел сквозь чащу.
В порыве страсти к делу, смельчак,
Вооруженный лишь котлом, на подвиг готов пойти
И выйти из леса целым (никому до того
Не удавалось нетронутым пройти сквозь лес).
На том же месте, где капкан, ломавший ногу,
Тебя обрек на гибель от ножа,
В те времена Повар, проходя по тем же тропам,
Услышал плач, сбивающий с мысли и дороги.
Ревел навсхлип какой-то муж, по звуку.
И звуки горя искреннего
Побудили любопытство смельчака
Лицом к лицу столкнуться с источником звучанья:
Вдруг какая помощь там нужна?
Не передать удивления словами,
Не выразить мимикой лица,
Когда на пне под дубравой
Столкнулся с демоном рогатым!
Ведь о них ходили только сказки!
Чьи крылья были будто паруса
Небольшого судна рыбака,
Вздymались с каждым всхлипом,
Шевеля высокую траву,
Из рыжих глаз текли черные, как деготь, слезы,
Там пахло серной кислотой,
А у копыт от слез обугленный участок,
Участок, выжженный слезой...
Пень, на котором он сидел,

Обвил против часовой стрелки хвост.
Заметив незнакомца, демон, в сказках вечно злой,
Влекомый лишь кровопролитием, грехом,
Взревел еще сильнее!
Закрыв лицо ладонями...
Очень, очень горько плакал...
Повар, немного отойдя,
Поняв исключительность момента,
Как робость сошла на нет,
Решил начать с комплимента...

Отшельник взмахнул рукой, в голове у Генри возникли голоса, звуки сумеречных птиц
и легкого ветра, скрип качающихся деревьев, не то виденье, не то воспоминание...

Повар

Доброго Вам дня, великое создание,
Сравнимое с драконом в стати,
Позвольте уточнить, как Ваше имя,
А также суть печали, терзающей сердце Ваше.
Меня же зовите просто Повар.
Давайте сварю вам кашу?

Отшельник

(не шевелит губами, голос у Генри в голове)

Слезы вытирая чешуйчатой рукой, демон ответил...

Сатан Ди Вол

*(очень красивым мелодичным голосом,
что не соответствует внешности ну никак)*

Приветствую тебя, добрая душа!

Наверно, столь наивен ты, как отважен,

Коль зашел сюда.

Запомни имя мое —

Сатан Ди Вол, последний страж Гаррены.

Остался на века я в этом мире, и пост мой важен,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.